

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
n.samoylov@spbu.ru

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МАННЕРГЕЙМА 1906–1908 ГОДОВ*

Экспедиция Карла Густава Эмиля Маннергейма в китайский Восточный Туркестан и некоторые внутренние провинции Цинской империи занимает важное место как в биографии самого Маннергейма, так и в истории изучения Центральной Азии. Об этой экспедиции написано много книг и статей. Однако авторы в основном сосредотачивались на разведывательных задачах экспедиции, уделяя мало внимания ее научным результатам. Данная статья посвящена изучению научной составляющей экспедиции Маннергейма. Рассмотрена подготовка экспедиции, показана роль Финно-угорского общества в ее организации. Исследованы контакты Маннергейма с известными русскими военными специалистами по Китаю и российскими дипломатами-китаеведами. Рассмотрен ход экспедиции, ее конкретные научные результаты, а также некоторые дискуссионные моменты. Охарактеризованы этнографические, археологические, нумизматические коллекции, собранные в ходе экспедиции и хранящиеся ныне в музеях Финляндии, а также предложены возможные пути их изучения.

Ключевые слова: Маннергейм, Китай, Россия, Центральная Азия, Финно-угорское общество, Национальный музей Финляндии

Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) – президент Финляндской Республики, маршал Финляндии и генерал Русской императорской армии, вошел в историю как выдающийся государственный и военный деятель. Его биография насыщена огромным количеством самых разнообразных событий, среди которых продолжительная и плодотворная экспедиция в Центральную Азию и западные районы Китая занимает весьма важное место. Об этой экспедиции, организованной Главным управлением Генерального штаба, написано немало книг и статей. Однако практически все авторы, в той или иной степени рассматривавшие данную тему, в основном сосредотачивали свое внимание на разведывательной составляющей Азиатской экспедиции Маннергейма. Ее научный аспект, к сожалению, незаслуженно оставался в тени. В отечественной историографии практически единственным исключением является статья академика В. С. Мясникова, затрагивающая эту тему [1]. Вместе с тем научные результаты данной экспедиции оказались очень существенными, а привезенные Маннергеймом многочисленные книги, рукописи и предметы материальной культуры, хранящиеся сегодня в музеях, библиотеках и архивах Финляндии, до сих пор ожидают своих исследователей.

Весной 1906 года начальник Главного управления Генерального штаба Русской императорской армии генерал Ф. Ф. Палицын (1851–1923) предложил Маннергейму совершить поездку из Русского Туркестана через Синьцзян, провинции Ганьсу, Шэньси и Шаньси в Пекин. Целью данной

экспедиции должны были стать сбор военно-статистических материалов и знакомство с состоянием обороны западных районов Цинской империи, с обучением и вооружением китайской армии. Кроме того, полковнику Маннергейму предстояло изучить и проанализировать эффективность проводившихся цинским правительством реформ, настроения некитайского населения западных районов империи, роль и влияние Далай-ламы, степень активности японцев на этих территориях и отношение местного населения к России, Японии и другим государствам. Отдельно была поставлена задача изучить и проанализировать возможность и перспективность создания в городе Ланьчжоу (административный центр провинции Ганьсу) российской военной базы [2: 1–2].

В то же время, чтобы несколько завуалировать реальные цели и задачи этого путешествия, было решено придать намечавшейся экспедиции отчасти научный характер, как это часто бывало в тех случаях, когда в различные районы Азии направлялись российские военные исследователи. Первоначально предполагалось, что Маннергейм совершил свое путешествие по территории Цинской империи в составе научной экспедиции известного французского синолога Поля Пеллио, однако отношения между двумя исследователями не сложились, и экспедиции Маннергейма был придан самостоятельный статус.

Следует отметить, что Маннергейм очень тщательно подготовился к своему путешествию, включая и его научный аспект. Накануне путешествия он проштудировал труды самых известных исследователей Центральной Азии:

Н. М. Пржевальского, Свена Гедина, Марка Ауреля Стейна. Очень важную роль в подготовке экспедиции и формулировании ее научных целей сыграли встречи Маннергейма с выдающимся финским ученым и организатором многих научных экспедиций сенатором Отто Доннером (1835–1909), который помог ему установить контакты с Финно-угорским обществом, ставшим с этого момента своеобразным куратором и спонсором научной части экспедиции Маннергейма.

Основанное в 1883 году в Гельсинфорсе (Хельсинки) Финно-угорское общество (*Suomalais-Ugrilainen Seura*) уже в конце XIX века обратилось к исследованиям Сибири и Центральной Азии. Обществом были организованы три научные экспедиции в российский Туркестан (в 1897, 1898 и 1899 годах), сфокусировавшие свое внимание по большей части на археологических раскопках. Правда, их результаты оказались весьма незначительными. Финансируемые эти исследования в основном из личных средств Отто Доннера. В первом десятилетии XX века Финно-угорское общество начало проявлять интерес и к Восточному Туркестану.

Чтобы скрыть военно-разведывательную цель своей миссии, Маннергейм должен был позиционировать себя в качестве исследователя, собирающего этнографический и археологический материал и проводящего небольшие археологические раскопки по поручению Финно-угорского общества. По мнению современного финского ученого Тимо Салминена, «это был один из немногих случаев, когда интересы Общества и российских властей совпали» [9: 230].

Сам Маннергейм отмечал, что во время путешествия по Китаю он постоянно старался изображать из себя частное лицо, и образ финского ученого-исследователя оказался как нельзя кстати. Все свои записи, включая дневник, он вел на шведском языке, полагая, что этим языком на территории Синьцзяна в то время никто не владел, включая и сопровождавших его казаков.

Джордж Маккартни, специальный помощник британского резидента в Кашмире по вопросам Китая, а в дальнейшем – генеральный консул Великобритании в Кашгаре, докладывая о прибытии в Кашгар экспедиции Пеллио, упомянул финна – барона Маннергейма, который должен был собрать археологические коллекции для музея в Гельсинфорсе¹. Чуть позже он назвал его «финским путешественником в Кашгаре». Таким образом, благодаря умелым действиям Маннергейма британская агентура, следившая за всеми перемещениями русских в районе границы с Китаем, абсолютно проигнорировала военно-разведывательную миссию полковника Маннергейма [10: 60].

Следует отметить, что Отто Доннер не только помог Маннергейму установить контакты с Финно-угорским обществом, но и сыграл важнейшую роль в придании экспедиции научно-исследовательской составляющей. Именно он помог Маннергейму сформулировать научные цели его экс-

педиции и разъяснил методику сбора материалов. Он же связал его с членами попечительского совета коллекции Антелля в Гельсинфорсе², благодаря которым Маннергейм получил инструкции по сбору археологических и этнографических материалов, ксилографов, рукописей и их фрагментов, копированию древних надписей, а также рекомендации по наблюдению за жизнью и бытом малоизвестных народов, населявших западные районы Цинской империи.

В результате, помимо финансирования экспедиции Генеральным штабом, ему были обещаны дополнительные средства на научные исследования, выделенные Финно-угорским обществом, попечительским советом коллекции Антелля и статс-секретариатом Великого княжества Финляндского [10: 62].

Попечители коллекции Антелля смогли добиться выделения средств Государственного исторического музея (впоследствии он был переименован в Национальный музей Финляндии) на приобретение различных древностей и этнографических артефактов, собранных Маннергеймом. Однако, поскольку китайская культура в то время почему-то считалась уже хорошо изученной, собственно китайские вещи были исключены из этого перечня.

Множество важных советов и рекомендаций Маннергейм также смог получить в ходе бесед с финским лингвистом и востоковедом Густавом Рамстедтом (1873–1950), который за год до того совершил путешествие к туркменам, проживавшим на Юлдузской равнине [3: 8–9].

19 июня 1906 года Маннергейм выехал из Петербурга и 5 июля прибыл в Ташкент, где должен был встретиться с представителями Туркестанского военного округа, чтобы более досконально изучить ситуацию в приграничных районах. Там он имел встречу с Туркестанским генерал-губернатором Деаном Ивановичем Суботичем (1852–1920) – опытным военным аналитиком, хорошо разбиравшимся в положении дел в различных регионах Азии³. После службы на Кавказе Д. И. Суботич был направлен на Дальний Восток. С июня 1897 по август 1898 года он был военным губернатором Приморской области, а после вступления в силу российско-китайского соглашения об аренде Порт-Артура в 1898 году был назначен первым начальником Квантунской области. В 1901–1902 годах занимал пост начальника Закаспийской области, а в 1902–1903 годах – должность Приамурского генерал-губернатора. На этих постах он уделял пристальное внимание научным исследованиям, по его инициативе в Хабаровске был создан съезд видных деятелей этого края, где обсуждались актуальные вопросы развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, путей сообщения, связи, пушного промысла, медицины и народного образования на российском Дальнем Востоке, а также условия жизни коренного населения этого региона⁴. В 1905–1906 годах Д. И. Суботич занимал

должность Туркестанского генерал-губернатора. Находясь на этом посту, он придавал большое значение изучению языков и обычаям местного населения. По его указанию был подготовлен и опубликован «Сборник материалов по вопросу об изучении местных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края».

Там же, в Ташкенте, Маннергейм встретился с полковником Лавром Георгиевичем Корниловым (1870–1918), военным разведчиком и уже хорошо известным к тому времени исследователем Азии [1: 176]. Дело в том, что в 1899 году Л. Г. Корнилов был командирован в китайскую провинцию Синьцзян с целью сбора данных военно-разведывательного характера и проведения там научных исследований⁵. По итогам этой экспедиции им была написана книга «Кашгария или Восточный Туркестан»⁶, получившая очень высокие оценки как военных аналитиков, так и видных отечественных востоковедов, включая академика В. В. Бартольда. Поскольку Маннергейму предстояло совершить путешествие практически по тем же районам Западного Китая, по которым до этого смог проехать Корнилов, их беседы и советы опытного исследователя имели чрезвычайно важное значение. А когда Маннергейм, завершив свою экспедицию, добрался до Пекина, Корнилов встречал его там уже в должности военного агента (атташе) при российской дипломатической миссии и помогал в составлении отчета об экспедиции.

В Кашгаре, на территории Синьцзяна, Маннергейм окончательно расстался с Пеллио и в дальнейшем путешествовал самостоятельно. Кашгар (современное китайское название – Каши) в то время был важным стратегическим и торговым центром Восточного Туркестана. Располагавшееся там Российское консульство на протяжении многих лет оказывало большую помощь и содействие русским и иностранным экспедициям, путешествовавшим по Китаю и Центральной Азии. Здесь в разные годы останавливались Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Л. ГромбЧевский, Свен Гедин, Марк Аурель Стейн, Готфрид Мерцбахер. Российские дипломаты, служившие в Кашгаре, по большей части имели профессиональную востоковедную подготовку, великолепно разбирались в положении дел в западных районах Цинской империи, хорошо знали жизнь и быт народов, населявших эти территории.

В Кашгаре Маннергейм пробыл более месяца. Это время он использовал для дальнейшего погружения в действительность Центральной Азии и усиленных занятий китайским языком [2: 3]. Большую помощь в ознакомлении с ситуацией в Синьцзяне ему оказал генеральный консул Российской империи в Кашгаре Сергей Александрович Колоколов (1868–1921) – китаевед, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, ученик академика

В. П. Васильева. Маннергейм писал в своем отчете: «В гостеприимном доме С. Г. и С. А. Колоколовых я нашел самый теплый прием и за успешность своих первых шагов по китайской территории я многим обязан любезному содействию и глубокому знанию края последнего» [2: 3].

На протяжении всего дальнейшего пути Маннергейм занимался не только сбором разведывательной информации, но и активными научными изысканиями. Основные находки были сделаны Маннергеймом в Синьцзяне. Древности, купленные им у местных жителей в районе Хотана, включали 76 монет, небольшое количество текстов и фрагментов на санскрите и хотанском языке, геммы и терракотовые изделия. Маннергейм также принял участие в археологических раскопках в районе Кульджи, которые проводил секретарь российского консульства А. А. Дьяков [7: 215]. Проезжая через территории, населенные торгутами и киргизами, он снимал большое количество надписей и наскальных рисунков. Там же им было собрано множество предметов, имевших этнографическое значение (по некоторым оценкам, 1200 предметов) и относившихся к различным аспектам культуры и повседневной жизни сартов, уйгуров, казахов, киргизов, юйгиров («желтых уйгуров»), тибетцев и китайцев. Он также приобрел у местных жителей значительное количество фрагментов текстов на китайском языке, а также документы на уйгурском и среднеперсидском языках. Вероятно, они были найдены в руинах близ Турфана.

В. С. Мясников отмечает, что Маннергейм много времени уделял антропологическим исследованиям, кроме того, именно ему «принадлежит заслуга открытия текстов на древнеиндийском языке и на одном из североиранских наречий (сакском)» [1: 178]. Научную значимость уникальных текстов, привезенных Маннергеймом из Китая, в свое время высоко оценил известный финский востоковед и лингвист Густав Рамстедт, посвятивший специальную статью найденному Маннергеймом буддийскому тексту, написанному монгольским квадратным письмом пагс-па⁷.

В истории экспедиции Маннергейма есть один эпизод, касающийся ее научного аспекта, который не перестает занимать современных ученых и вызывает активные дискуссии. «Тайна упущеной возможности» – так именует случившееся финский ученый А. Ратиа [8]. За время своего путешествия Маннергейм неоднократно встречал следы деятельности других исследователей Азии. В октябре 1907 года его путь пересек караван британского ученого венгерского происхождения Марка Ауреля Стейна (1862–1943), который, обнаружив в 25 км от Дуньхуана храмовый комплекс Цяньфодун (Пещера тысячи будд), вывез оттуда множество старинных рукописей и ксиографов, включая древнейшую из сохранившихся печатных книг – «Алмазную сутру» (ок. 868 г. н. э.). Он отправил 24 коробки с найденными

документами и живопись по шелку в Британский музей. Кроме того, Стейн снял со стен пещерного комплекса уникальные раннебуддийские фрески и вывез их в Дели. На протяжении всего путешествия Маннергейм двигался приблизительно в том же направлении и постоянно видел следы, оставленные Стейном: «В этом районе я видел триангуляционные знаки, поставленные на многих возвышенностях. Мне объяснили, что они были поставлены английским путешественником Штейном (так написано в отчете. – Н. С.) незадолго до меня» [2: 4]. Описывая в своих заметках эпизод, связанный с приобретением у местных жителей старинных предметов, он также заметил, что «любые находки, имевшие хоть какую-нибудь ценность, несомненно, уже были вывезены хорошо известным археологом доктором Стейном, который посетил эту местность за несколько месяцев до меня» [7: 89].

Войдя в провинцию Ганьсу, небольшой караван Маннергейма 14 ноября 1907 года достиг Дуньхуана [7: 407] и пробыл там несколько дней. Финские историки активно спорят о том, почему же Маннергейм, находясь в непосредственной близости от Пещеры тысячи будд, так и не посетил ее, не обогатив таким образом собранные им коллекции за счет уникальных рукописей и других предметов из комплекса Цяньфодун. Тем более что Стейн, вывезя огромное количество древностей, оставил там еще тысячи предметов, а Пеллио прибыл в этот район лишь в феврале 1908 года. Финскими учеными было предложено несколько объяснений так называемого бездействия Маннергейма в Дуньхуане, но ни одна из высказанных версий не является общепринятой и полностью убедительной.

Следует заметить, что в путевых записях Маннергейма подробно описан город Дуньхуан, его географическое положение, планировка и оборонительные укрепления, сказано немного об административном управлении, экономике и населении. Маннергейм даже начертил подробный план города (см. [7: 410]). В его отчете имеется интересное наблюдение относительно положения дел в сфере местной торговли: «Дуньхуан – последний пункт, где местные подданные из сартов являются как в Хами, Турфане и некоторых других городах Китайского Туркестана, если не монополистами крупной экспортной торговли, то, во всяком случае, самыми крупными местными торговцами» [2: 42]. В дневниковых записях он упоминает также одного сарта – А. Аскарабаева – русского подданного, который ежегодно продавал здесь русских товаров на 10000 ланов⁸.

В записках Маннергейма присутствует и мимолетное упоминание о храмовом комплексе Цяньфодун, а также несколько сбивчивое изложение неблагоприятных сопутствующих обстоятельств. Согласно дневниковой записи за 20 ноября 1907 года, сделанной в Аньси, хорошая погода в дни пребывания в Дуньхуане сменилась ненастiem: «Мы покинули Дуньхуан рано утром

18-го. За время моего пребывания там погода резко ухудшилась, и началось первое похолодание. 16-го числа погода была крайне скверной. Температура упала ниже нуля, и подул восточный ветер, поднявший тучи песка и пыли. Я намеревался посетить мяо (храм. – Н. С.), называвшийся Цяньфодун, расположенный в горном ущелье к югу... Однако фазаны и джейраны были уже слишком соблазнительны. Я не мог удержаться от желания поохотиться на них... Потратив много времени на охоту, мы добрались до входа в ущелье, когда солнце уже опустилось настолько низко, что нам ничего не оставалось, кроме как, отказавшись от “тысячи богов”, постараться отыскать караван-сарай до наступления темноты» [7: 415].

В связи с этим современный финский историк Харри Хален обратил внимание на то, что вместо того, чтобы отправиться к храмовому комплексу Цяньфодун, Маннергейм целый день посвятил охоте на фазанов и джейранов, и отметил, что «если бы у Маннергейма был более квалифицированный повар, он, вероятно, отправился бы в гроты Могао, вместо того, чтобы охотиться», и смог бы обнаружить там много ценных рукописей до прибытия Пеллио. «Таким образом, величественное научное открытие было обменено на жаркое из фазана и газели», – сокрушается Хален [4: 115].

Однако А. Ратиа полагает, что у Маннергейма были более серьезные причины непосещения Пещеры тысячи будд. Поскольку главной задачей экспедиции все же являлась военная разведка, Маннергейм не мог потратить время на сбор древних рукописей в гротах Могао. Таким образом, по мнению Ратиа, обязательства Маннергейма перед российским Генеральным штабом оказались для него важнее научных интересов. Кроме того, Ратиа указывает на наметившийся недостаток финансовых средств и сложности во взаимоотношениях с местной китайской администрацией в случае транспортировки древних текстов [8].

Таким образом, вырисовывается целый комплекс причин того, почему Маннергейм не стал вторым европейцем после Стейна, посетившим пещеру Могао и весь комплекс Цяньфодун, не опередил Пеллио и не вписал свое имя в число первооткрывателей дуньхуанских рукописей. Действительно, перед ним в тот момент стояли две важные задачи: обследование Хэси цзозулан («Коридор к западу от реки Хуанхэ», или Ганьсуский коридор – горный проход, соединявший Синьцзян с внутренними районами Цинской империи) и посещение Ланьчжоу с целью изучения возможностей для создания в этом городе русской военной базы, и он должен был их выполнить. К этому можно прибавить нехватку финансов, резко ухудшившуюся погоду и необходимость за счет охоты пополнить запасы продовольствия. Следует также упомянуть и сложную криминогенную обстановку в данном районе, особенно в окрестных горах, о чем писал

Маннергейм в своем отчете: «В Дуньхуане я застал только что улегшиеся волнения на экономической почве, направленные на этот раз против местного представителя бодыхана. Местные милиционные войска отказались действовать против толпы, которая вломилась в дом мандарина, убив при этом 2-х – 3-х сторожей. К моему приезду все уже успокоилось, и главари бежали в горы» [2: 42–43].

Однако, по нашему мнению, Маннергейм по-просту не захотел ввязываться в так называемую археологическую лихорадку, в которую в то время были втянуты многие иностранные исследователи Центральной Азии и Китая и которая привела к тому, что уникальные памятники местной культуры ящиками вывозились за пределы страны без ведома официальных властей, оседая в европейских коллекциях. Не исключено, что полковник Маннергейм пожелал быть выше этой «гонки за древностями», продолжая приобретать исторические и этнографические артефакты законным образом.

Научные коллекции, собранные Маннергеймом во время Азиатской экспедиции, были в дальнейшем переданы им Финно-угорскому обществу и в настоящее время находятся в музеях и библиотечных хранилищах Хельсинки. Лишь небольшая их часть экспонируется. Огромная коллекция фотографий хранится в фотоархиве Музейного управления (Museovirasto).

В 1999 году этнографические коллекции Финно-угорского общества и Национального музея Финляндии были объединены в новом Музее культур, разместившемся во Дворце тенниса в центре Хельсинки. Многие предметы, собранные Маннергеймом во время путешествия по Центральной Азии, заняли там достойное место. Однако в мае 2013 года, когда истек срок аренды, Музейное управление не стало ее продлевать, и экспозиция была перемещена в Национальный музей, где происходит ее реорганизация. Остается надеяться, что в обозримом будущем результаты научной экспедиции Маннергейма вновь станут доступными для обозрения.

За время путешествия Маннергеймом была собрана большая коллекция предметов быта и одежды различных народов Центральной Азии, которая сейчас хранится в фондах Национального музея Финляндии. Там представлены образцы женской шелковой одежды сартов, головные уборы торгутов, войлочные ковры казахов из Турфана, женские кожаные сапоги из Хотана [3: 63–67]. Очень ценными считаются 50 предметов, принадлежащих проживавшим в Синьцзяне торгутам – близким родственникам калмыков.

Существенно то, что сбор этнографических артефактов Маннергейм начал еще на территории российского Туркестана. Летом 1906 года он совместно с Пеллио посетил в долине реки Алай жившую там на покое бывшую правительницу алайских киргизов – «Алайскую царицу» Курманжан-датка, встречавшуюся еще с генера-

лом Скобелевым, и сделал несколько фотоснимков 96-летней женщины верхом на коне [7: 26]. Именно там он приобрел изысканный киргизский женский головной убор – *кеп-такыя* [11] и много других предметов одежды и быта киргизов.

Маннергейм привез из Китая два китайских бронзовых зеркала, которые были созданы либо в конце правления династии Мин, либо в начале Цин, то есть в промежутке между 1500 и 1800 годами [3: 90–91].

Коллекция драгоценных камней, собранная Маннергеймом, состоит из гемм и бус, которые были приобретены в основном в Восточном Туркестане. К наиболее древним экспонатам относятся бусы из сердолика и агата. Много изделий из нефрита [3: 77–85]. Бусы и геммы приобретались на караванных путях, где они были не только наиболее ходовым товаром, но часто играли роль разменной монеты при торговых сделках.

Нумизматическая часть коллекции Маннергейма особенно интересна и состоит из 250 идентифицируемых монет, а также 50 кородированных или полностью затертых, которые в настоящее время невозможно атрибутировать. Большинство из этих монет было найдено или приобретено в районе Хотана. Наибольший интерес представляют 76 «сино-кхароштийских» монет («Sino-Kharoshtri coins») из Хотана [3: 117–118] (двухязычные монеты, где на аверсе присутствует надпись с использованием письма кхарошти⁹, а на реверсе – иерогlyphическая надпись на китайском языке). Эти монеты также известны как «хотанские лошадиные монеты», так как на аверсах многих из них можно увидеть изображение лошади, хотя на некоторых изображен двугорбый верблюд. Всего в мире насчитывается 350 «сино-кхароштийских» монет, 250 из которых находятся в Британском музее, поскольку самая большая коллекция таких монет была собрана и привезена в Великобританию Стейном. Ввиду этого коллекция Маннергейма поистине уникальна и является второй в мире по количеству «сино-кхароштийских» монет после коллекции Стейна. В собрании Маннергейма также присутствуют согдийские, караханидские, чагатайские и даже кушанские монеты. Собранные им китайские монеты относятся к различным историческим эпохам и включают две монеты в форме ножа (*дао би*), шесть монет в форме лопаты (*бу би*) и 94 круглые монеты [3: 119]. Обе монеты *дао би* можно отнести к эпохе Чуньцю, они похожи на те, что имели хождение в царстве Ци на полуострове Шаньдун, и датируются 600–400 гг. до н. э. Одна из монет в форме лопаты была отчеканена в период «Сражавшихся царств» (ее датируют 350–250 гг. до н. э.), а остальные пять *бу би* – в годы правления узурпатора Ван Мана (9–23 гг. н. э.).

Большинство собранных Маннергеймом книг и рукописей на восточных языках было передано им Финно-угорскому обществу. Эта книжная коллекция, ныне хранящаяся в Национальной

библиотеке Финляндии, включает сотни фрагментов китайских и уйгурских буддийских текстов, некоторые из них относятся еще к периоду правления в Китае династии Тан (618–907), а также монгольские рукописи, китайские и тибетские рисунки, маньчжурские надписи [5: 118–121].

После возвращения из путешествия по Центральной Азии Маннергейм оставил себе лишь небольшое количество предметов восточного искусства, в основном связанных с тибетским буддизмом. В настоящее время они хранятся в Доме-музее Маннергейма в Хельсинки, также представляя большой интерес для исследователей [6].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что Азиатская экспедиция Маннергейма 1906–1908 годов имела важное научное значение, и ее результаты не полностью оценены даже сегодня. Многое еще требует дальнейшего скрупулезного изучения, на что в последнее время обратили внимание и китайские ученые. Выступая на открытии китайско-финского научного симпозиума в Урумчи, один из крупнейших китайских историков Ма Дацзэн отмечал, что, к сожалению, экспедиция Маннергейма оказалась забытым эпизодом изучения Синьцзяна в начале XX века [12: 1].

Можно констатировать, что успех экспедиции был обусловлен тем, что она была тщательно продумана и подготовлена. Полковник Маннергейм, не имевший к моменту организации экспедиции достаточной научной подготовки, благодаря общению с известными финскими учеными (Отто Доннером, Густавом Рамстедтом и др.) и русскими востоковедами и военными исследователями (Л. Г. Корниловым, С. А. Колоколовым), сумел за

очень короткий срок овладеть навыками полевых научных исследований и расширил теоретическую базу своих знаний о Китае и Центральной Азии, что было дополнено основательной проработкой научной литературы.

На протяжении всей экспедиции Маннергейм скрупулезно отбирал необходимый материал и старался максимально использовать все представлявшиеся ему по ходу экспедиции возможности (единственное исключение и вероятные причины того, что произошло в районе Дуньхуана, были рассмотрены выше). Результаты экспедиции были подробно изложены Маннергеймом в его отчете [2] и других записях. Академик В. С. Мясников особо отмечает, что все «китайские названия, имена и термины [в отчете] даются в точной транскрипции, поскольку были выверены в Посольстве в Пекине опытными китаеведами Н. Ф. Колесовым и И. С. Бруннертом» [1: 179]. Учитывая, что в то время многие военные исследователи, путешественники и журналисты не слишком заботились о правильности написания китайских имен и названий, следует признать, что и в этом вопросе Маннергейм проявил себя с наилучшей стороны, что серьезно облегчает работу современным исследователям его научного наследия.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на повестке дня сегодня стоит вопрос о развертывании нового этапа комплексного изучения и углубленного анализа научного наследия Азиатской экспедиции Маннергейма, к чему могут быть привлечены ученые Финляндии, России и Китая.

* Статья подготовлена на основе материалов, собранных в ходе научных командировок в Хельсинкский университет по программе межвузовского научного обмена СПбГУ в 2015–2017 гг. Автор также выражает свою благодарность сотрудникам Национального музея Финляндии и господину Харри Халену за предоставленную возможность лично ознакомиться с уникальными материалами по этой теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маннергейм в своих записках также упоминал о встрече с Маккарти, которая произошла в Кашгаре. Он высоко оценил осведомленность британского резидента в китайских делах и отметил, что тот «знает страну, ее народ и историю, как никто другой из европейцев» [7: 47].

² Херман Фритьоф Антэль (1847–1893) – финский офтальмолог, коллекционер и благотворитель, уроженец города Вааса, прославился пожертвованием своей коллекции живописи, состоявшей из 44 картин, а также предметов этнографического и археологического характера Художественному обществу Финляндии. Вместе с другими собраниями его коллекция составила основу музея Атенеум в Хельсинки. Исполнение его воли осуществлял специально созданный попечительский совет.

³ Подробнее см.: Самойлов Н. А. Россия и Китай в геополитической концепции генерала Д. И. Суботича // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века: Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 7–9 октября 1997 г.). Т. 2. М., 1997. С. 187–191.

⁴ Труды IV Хабаровского съезда, созданного приамурским генерал-губернатором Д. И. Суботичем. 1903 г. / Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1903. 262 + 3 с.

⁵ Подробнее см.: Самойлов Н. А. Азия (конец XIX – начало XX века) глазами русских военных исследователей (по материалам Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, П. Н. Краснова) // Страны и народы Востока. Вып. 28. СПб.: Центр Петербургское Востоковедение, 1994. С. 292–324.

⁶ Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903. 445 с.

⁷ Ramstedt G. J. Ein fragment mongolischer quadratschrift // Journal de la Société Finno-Ougrienne. № 27 (3). Helsinki, 1912.

⁸ Лан (лян) – китайская денежная единица и мера веса периода династии Цин, содержавшая около 37,3 г серебра, в то время его курс колебался от 1 р. 50 коп. до 1 р. 80 коп.

⁹ Кхарошхи – письменность, распространенная в Северной Индии и на юге Средней Азии (Бактрия и Согдиана) на рубеже нашей эры; полуалфавитное, полуслоговое письмо, предположительно произошедшее от арамейского алфавита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. М я с н и к о в В . С . По следам Маннергейма // Мясников В. С. Касталльский ключ китаеведа: Соч. в 7 т. Т. 6. М.: Наука, 2014. С. 173–181.
2. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXI. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Китайский Туркестан в северные провинции Китая в г. Пекин, в 1906–7 и 8 гг., полковника барона Маннергейма. СПб.: Изд. Главного Управления Генерального штаба, 1909. 173 с.
3. C. G. Mannerheim in Central Asia 1906–1908 / Ed. by Petteri Koskikallio, Asko Lehmuskallio. Helsinki: National Board of Antiquities, 1999. 128 p.
4. Halén H. Baron Mannerheim hunt for ancient Central Asian Manuscripts // Studia Orientalia. № 87. Helsinki, 1999. P. 109–116.
5. Halén H. Handbook of Oriental Collections in Finland: Manuscripts, Xylographs and Russian Minority Literature. London and Malmö: Curzon Press, 1978. 295 p.
6. Halén H. Koti Kaivopuistossa. Mannerheimin yksityiskokoelman esineistöä Aasian-matkalta 1906–08 ym. Helsinki: Turpan Nähriyati, 2006. 49 p.
7. Mannerheim C. G. Across Asia from West to East in 1906–1908. Helsinki: Otava Publishing Company, 2008. 821 p.
8. Ratia A. Mannerheim's Central Asian Expedition // International Dunhuang Project News Issue #15. URL: http://idp.bnf.fr/archives/news15/idpnews_15.a4d (accessed 12.04.2017).
9. Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 258. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2009. S. 225–262.
10. Screen J. E. O. Mannerheim: the Years of Preparation. London: C. Hurst & Company, 2001. 159 p.
11. Virtual Collection of Asian Masterpieces. Headdress of Kirghis Woman. URL: <http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=12440> (accessed 28.04.2017).
12. 芬兰探险家马达汉新疆考察研究 / 马大正, 厉声, 徐建英主编。哈尔滨 : 黑龙江教育出版社, 2007. 352 页。[Сборник научных трудов, посвященных изучению Синьцзяна финским исследователем Маннергеймом / Под ред. Ма Дацжэна, Ли Шэна и Сюй Цзяньина. Харбин: Хэйлунцзянское издательство «Просвещение», 2007. 352 с.]

Samoylov N. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SCIENTIFIC RESULTS OF MANNERHEIM'S EXPEDITION IN ASIA, 1906–1908

Carl Gustav Emil Mannerheim's expedition in Chinese (Eastern) Turkestan and in some internal provinces of the Qing Empire occupies an important place, both in the biography of Mannerheim himself and in the history of explorations in Central Asia. Many books and articles have been written about this expedition. However, the authors mainly devote their attention to the reconnaissance tasks of the Chinese expedition, paying little, if any, attention to its scientific results. This article focuses on studying the scientific aspect of the Chinese expedition of Mannerheim. The question of preparing the expedition and the role of the Finno-Ugrian society in its organization are of primary consideration. Mannerheim's contacts with the well-known Russian military specialists in China and Russian diplomats-sinologists are also studied. The course of the expedition, its factual results, as well as some disputable points are analyzed. Ethnographic, archaeological, numismatic collections gathered during the expedition and now stored in Finnish museums are described, and feasible approaches to their study are suggested.

Key words: Mannerheim, China, Russia, Central Asia, Finno-Ugrian Society, National Museum of Finland

REFERENCES

1. Myasnikov V. S. In the footsteps of Mannerheim [Po sledam Mannergeyma]. Myasnikov V. S. Kastal'skiy klyuch kitaeveda: Soch. v 7 t. T. 6. Moscow, Nauka Publ., 2014. P. 173–181.
2. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. LXXXI. Predvaritel'nyy otchet o poezdke, predprinyatoy po Vysochayshemu poveleniyu cherez Kitayskiy Turkestan v severnye provintsiy Kitaya v g. Pekin, v 1906–7 i 8 gg., polkovnika barona Mannergeyma [Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials for Asia. Vol. LXXXI. Preliminary report on the trip undertaken by Imperial Order across Chinese Turkestan and the Northern provinces of China to Peking in 1906–07 and 1908]. St. Petersburg, Izd. Glavnogo Upravleniya General'nogo shtaba, 1909. 173 p.
3. C. G. Mannerheim in Central Asia 1906–1908 / Ed. by Petteri Koskikallio, Asko Lehmuskallio. Helsinki: National Board of Antiquities, 1999. 128 p.
4. Halén H. Baron Mannerheim hunt for ancient Central Asian Manuscripts // Studia Orientalia. № 87. Helsinki, 1999. P. 109–116.
5. Halén H. Handbook of Oriental Collections in Finland: Manuscripts, Xylographs and Russian Minority Literature. London and Malmö: Curzon Press, 1978. 295 p.
6. Halén H. Koti Kaivopuistossa. Mannerheimin yksityiskokoelman esineistöä Aasian-matkalta 1906–08 ym. Helsinki: Turpan Nähriyati, 2006. 49 p.
7. Mannerheim C. G. Across Asia from West to East in 1906–1908. Helsinki: Otava Publishing Company, 2008. 821 p.
8. Ratia A. Mannerheim's Central Asian Expedition // International Dunhuang Project News Issue #15. URL: http://idp.bnf.fr/archives/news15/idpnews_15.a4d (accessed 12.04.2017).
9. Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 258. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2009. S. 225–262.
10. Screen J. E. O. Mannerheim: the Years of Preparation. London: C. Hurst & Company, 2001. 159 p.
11. Virtual Collection of Asian Masterpieces. Headdress of Kirghis Woman // URL: <http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=12440> (accessed 28.04.2017).
12. 芬兰探险家马达汉新疆考察研究 / 马大正, 厉声, 徐建英主编。哈尔滨 : 黑龙江教育出版社, 2007. 352 页。[Сборник научных трудов, посвященных изучению Синьцзяна финским исследователем Маннергеймом / Под ред. Ма Дацжэна, Ли Шэна и Сюй Цзяньина. Харбин: Хэйлунцзянское издательство «Просвещение», 2007. 352 с.]